

Виктор Ремизов

Виктор Ремизов

ВОЛЯ ВОЛЬНАЯ

Роман

Е
Ш

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕН
ШУБИНОЙ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р 38

*Издательство благодарит литературное агентство
«Банке, Гошпен & Ститова»
за содействие в приобретении прав*

Художник Андрей Рыбаков

Ремизов, Виктор Владимирович.

Р 38 Воля вольная : роман / Виктор Ремизов. – Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015 – 411, [5]. – (Проза Виктора Ремизова).

ISBN 978-5-17-087303-6

Виктор Ремизов – прозаик и журналист, автор сборника рассказов «Кетанда», первые публикации вышли в журналах «Новый мир» и «Октябрь».

Действие романа «Воля вольная» происходит на Дальнем Востоке. Конфликт завязывается между местными охотниками и рыбаками и полицией, собирающей дань с браконьерского бизнеса в районе. Жители поселка делятся на тех, кто готов и даже рад окончательно покориться новому порядку, и тех, кто стремится к «вольнице». Последние уходят в тайгу и пытаются то ли скрыться от преследователей, то ли порвать связи с цивилизованным миром.

Шорт-лист премии «Большая книга».

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087303-6

© ООО «Издательство «АСТ», 2014
© Ремизов В.В.

Генка распутал веревку, завязал за вбитый кол, натянул, надежно ли, и пошел к лодке. Старая разбитая «обяшка» покачивалась у берега. На носу высокой рыжей кучей веревок и поплавков громоздился невод. Гремя пустыми бортами, вставил весла и кормой вперед неторопливо погреб на струю. Невод широко пополз с носа, зашуршал-забрнчал о край, грузá с хлопаньем и брызгами падали в воду. Утреннее солнце как раз выглянуло из-за горы и начало пригревать. Налипший на стланиях ледок мокро топился в лужицы.

Не спешил, легко опускал в прозрачную воду грубо тесанные листовые весла и время от времени оборачивался за спину — держался края течения, обметывая яму. Весь август так вот рыбачили они с сыном... Генке тогда как будто все равно было — много там рыбы, мало. Заводили, вытягивали на мелководье, Мишка заходил в невод, выбирал отчаянно бьющихся пузатых самок и бросал на берег отцу, а он, зажав дымящуюся сигарету углом рта, прищурившись и наклонив голову набок,

вспарывал мягкое, тонкое понизу серебряное брюхо. Нежные, фиолетово-мясные ястыки* бросал в таз, рыбу в воду. Уже безвольную и едва шевелящуюся ее унесило течением.

Но то было в августе, недалеко от поселка и ради денег. Сейчас Генка ловил у себя на участке, в своей речке, и не на икру, а рыбу на промысел. Ему важно было, что он там зацепил, и он нет-нет косил глаза. Веревка, привязанная за нос, тяжело натянулась. Дуга светлых пенопластовых поплавков напряженно плясала по рябой зелени воды, как раз охватывая все úлово**. Генка налег на весла, круто заворачивая к берегу.

В сужающемся овале невода метались темные спины. Уйти можно было только через верхний урез, через поплавки, но для этого надо было подняться и показать себя, и как раз этого рыбы боялись и продолжали тупо рваться сквозь прочную ячею. Перескакивали самые отчаянные, но таких находилось немного. Остальные, вся разноперая ватага — серебряно-розовые гольцы, полосатая тяжелая кета, обитатели чистых ключей вольняшки-хариусы — перепуганной толпой упирались, держали невод, помогая рыбаку маятником сваливаться к берегу и окружать самих себя.

---

* Ястык — икра в пленочном мешочке, размером в ладонь, как она есть в рыбе. (Здесь и далее все примеч. автора.)

** Úлово — место у берега с обратным течением.

Генка всегда удивлялся: развернулись бы вниз по течению, все бы и ушли, и ничего бы он не сделал. Даже вместе со всей его снастью ушли бы, вон их там сколько. Но они не смели нарушить не ими установленные законы, и Генка, чувствуя неподатливую тяжесть разбухшего от рыбы невода, с усилием, раскоряченными ногами и всей спиной упираясь, приближался к берегу.

Хорошая была яма; он и базовое зимовье здесь поставил, потому что лучше рыбалки по всей Юхте не было. Лодка глухо зашуршала алюминием по гальке, Генка выскочил на берег и схватился за веревку. Тяжелый живой куль невода сам медленно затягивался в обратное течение улова. Генка потянул, понял, что не осилит, и, накинув веревку на плечо, как бурлак, уперся от речки. Косяк сдавался, сзади уже как следует забурлило и заплескалось. Генка вытянул край на берег, захлестнул за крепко вбитый кол и, крикнув довольно, вытер мокрые красные руки о куртку. Сигареты достал.

Рыбы было много. Она уже не могла биться, давила друг друга на мелководе. Обреченные рты хватали воздух сквозь сеть, жабры хлюпали и пускали пузыри. Здоровый, кил на вошь, широкий самец кеты забился и сам по мокрой гальке выскочил на берег. Генка присел на корточки, разглядывая живые, тугие тела. Покуривал спокойно и благодарно, думал, как завтра еще раз заведет и хватит. Хо-

рошо попало — на весь сезон: и собакам, и на приваду.

Он, как и все промысловики, очень любил эти первые дни перед началом охоты. Речка, лес — все было заново. Все чуть-чуть другое. Старого корефана, с кем год не виделся и кому рад, так рассматриваешь. Поседел, что ли, шрам новый, морщины на лбу, раньше вроде не было... Так и здесь. Берег обвалился в речку, тропу засыпал, вековую лиственницу вывернуло поперек поляны, чуть не на избушку. А еще больше всяких мелочей... все было поновленное, яркое.

И в этой вечной и незыблемой повторяемости — что все обязательно будет точно так же, как и в прошлом, и в позапрошлом году, но все надо будет узнавать заново, — Генка чувствовал большую радость, может, и сам смысл существования. Его над землей, над его речкой и тайгой возносило от ощущения свежести и нескончаемости жизни. И казалось ему в такие минуты, что так будет всегда. И он каждую осень по какой-то немислимой дружбе с Господом Богом будет заезжать на свою Юхту, и все будет заново прекрасно.

В этом году второго октября заехал. Чуть холодом и снегом пахнуло — он рванул. Сезон ничего доброго не обещал: кедровые стланики были усыпаны крупной шишкой, и мыша наплодилось полно — еще летом ясно было, что в ловушки соболь не пойдет. Генка рассчитывал на собак. Пока брюхом

по снегу не начнут чертить, до середины, а то и до конца ноября можно было набрать кое-что.

С годами, а было ему сорок три, Генка все больше любил эту одинокую таежную жизнь. Удивлялся — многое ведь с возрастом становилось неинтересным и спокойно удалялось, уходило из жизни, эта же тяга только крепла. В лесу ему всегда хорошо было. Лучше, чем где-нибудь и с кем-нибудь.

Он засучил рукава, поднял отвороты сапог и, раздвигая скользкие упругие тела, зашел в невод. Рыба заволновалась, заплескалась по ногам. Темно-зеленый в красно-розовых пятнах брачный голец, лежащий сверху, поперек другой рыбы, растопырил белые перья плавников на оранжевом брюхе, глотнул судорожно воздух и вдруг зашлепал-замолотил отчаянно хвостом, обдавая охотника с головы до ног. Генка, приподнимая верхний край снасти, кошелкой закрывавший рыбу, брался за хвосты и выбрасывал на берег: отнерестившуюся лошальную кету в одну сторону — собакам и на приманку, гольцов и хариусов в другую — у него две загородки из бревен были приготовлены.

Самцы кеты — широкие, горбатые, с толстыми хрящеватыми клювами, маленькими немигающими глазками и почти собачьими клыками, только изгибались тяжело. Сил биться у них уже не было. Самки — узкие, без горбов, но такие же — в зеленых, желтых

и черных поперечинах и пятнах, были крепче, прыгали, пачкаясь в сером песке. Из некоторых еще выползали красные горошины. Со всем уж лошального аргыза* было немного.

В середине августа, почти два месяца назад, вышли они из моря в лиман Рыбной, хорошо зная, что это их речка, и двинулись наверх, к тем ручьям и тихим лесным протокам, где родились.

Самки не отличались от самцов. Строгими серебряными лососями были и те и другие. Стадо могло заходить две недели, три, а иногда и месяц. Оно разбивалось на маленькие партии по пять-семь особей и уходило вверх. В пресной воде самцы превращались в высоких, горбатых, страшных и тяжелых бойцов, самки округлились животами. Рыбы не кормились, их желудки сжимались, как не нужные для дальнейшей жизни.

Так они и шли. Днем и ночью. Отдыхали, отстаивались в тихих прозрачных уловах перед перекатами. Из Рыбной заходили в порожистую, мелководную Юхту и пробивались — иногда прямо на брюхе, целиком торча из воды, — до родных ям, к своим нерестилищам. Ночью на перекатах дежурили медведи и волки, днем кормились мамыши с медвежатами, огромные белоплечие орланы, маленькие пло-

---

* Аргыз, или лох, — отметавший икру и подохший (или почти подохший) морской лосось.

сколицы эвены с хитрыми крючками, а по ямам затягивали невода браконьерские бригады.

Но лососи, одетые в брачные наряды, упрямо добивались своего и, кому везло, приходили туда, где им было указано. И тут, в конце своего пути, они уже были парами.

Медовый месяц проводили на приглубом и прозрачном Генкином плесе. Плавали бок о бок, играли. Отмывали от ила, разгребали носами галечное дно. В какой-то одной ей известный момент самка замирала над гнездом, мелко дрожала перьями плавников и откладывала. Совсем как у людей судорога бежала ее телом, от головы до нелепо изгибающегося хвоста. Самец кидался, и тоже замирал, и покрывал не видимые в воде икринки белым облаком молоков.

Теперь, к началу октября, все было кончено. Большая часть стада отметалась и подохла. Какие-то тухлым, расползающимся аргызом улеглись на дно рядом со своими будущими детьми, других течением снесло ниже. Все они еще заживо начали разлагаться, слепли, покрывались серой и желтой слизью. Самое безжалостное превращение — из полной силы и высших устремлений прекраснотелой серебрянки в лишаястое, осклизлое и слепое нечто — завершилось. Но не завершилось еще дело природы. Их пузастеньким и прозрачным малечкам, которые родятся только весной, нечего было бы есть, если бы родители не

легли умирать рядом с гнездами и на них не образовался этот так скверно выглядящий планктон.

Они жертвовали собой ради детей, которых им никогда, ни при каких обстоятельствах не суждено было увидеть.

Генка наблюдал все это каждый год, и, может быть, поэтому его удивляло не то, что удивляет всех — как лосось находит свою речку или почему они гибнут, — но все это дело в целом. Невероятно надежное. Неукоснительно происходящее из осени в осень, из тысячелетия в тысячелетие. Из этого огромного живого механизма достаточно было вынуть какой-нибудь маленький кусочек... за тысячито лет... один раз... и все бы кончилось. Но никто, слава богу, не вынимал, а само оно не вынималось.

Генка подтянул на берег опустевший невод, в котором остались одни гольцы. Эти тоже были лососями и тоже в брачном наряде, но, отметав икру, не гибли, а, перезимовав по речным ямам, весной спускались к морю — подкормиться селедочной икрой и скатывающимися мальками океанских лососей.

Гольцы не погибали, и, видно, поэтому сила жизни в них была не та — их никогда не бывало столько, сколько заходило морских лососей. Они боялись даже там, где это не имело смысла: какая-нибудь некрупная самочка кеты, защищая гнездо, без раздумий бросалась на голодную стаю гольцов, и те разлета-

лись в стороны. Это были две разные философии жизни. Одни жили и спасались по мелочи, другие жертвовали собой, и это делало их сильными.

Погодка звенела. Все эти дни, пока он с работой поднимался вверх по речке от зимовья к зимовью, солнце стояло во все голубое небо. Лиственницы облетали над плесами. Желтые буроватые хвоинки быстрыми легкими волчками вертелись в звенящем воздухе и вдруг застывали на прозрачной глади. Текли медленно вместе с небом. Их золотистые ленточки мягко обрисовывали берега. Самая приятная стояла погода — минус небольшой, по ночам до десяти опускалось. Лед на лужах не таял. По утрам песчаные берега стояли коловые — шлось как по асфальту. Река парила: камни, коряги, торчащие из воды, были украшены белым куржачком.

Генка ждал снега. Подвалил бы малость, землю закрыл, и он начал бы охоту. Он, правда, и так мог начать, собакам важнее был запах, но вслепую, без веселой, азартной картины следов на снегу... некрасиво было. И Генка, понимая, что вот-вот посыпет, пока работал по зимовьям, держался и собак держал на привязи. Первый соболь, добытый до снега, был у него плохой приметой — весь сезон потом погода доставала, неделями из зимовья не вылезал.

Для Генки первый добытый зверек вообще был что для цыганки карты — всю охоту по

нему загадывал. В первый выход случится, во второй или как? Лучше всего, если в первый-второй, в третий — тоже ничего, дальше хуже — нефартово выходило. Если же еще до охоты, по дороге приходилось стрельнуть, сезон случался суетливым. Примет было много — самка или кот, молодой или старый? На дерево выставят или придется из камней выкуривать?

На самом деле он не помнил толком, что значат эти его самодельные приметы, просто охота была делом важным и начинать ее суетливо или жадно было неправильно.

Не только человек, а и весь мир Божий устроен противоречиво. Генка, раскладывая рыбу, жалел, что нет снега, но и радовался этой солнечной осенней благодати: остывающему небу, притихшей тайге, плесу, поверхность которого угадывалась по медленно смещающимся скукоженным березовым листочкам. Все это вот-вот должно было скрыться под белым. И этого тоже было жалко. Он не знал, что больше любит — тайгу золотую или добытых соболей? Генка бросил рыбу, задумался, замер, глядя на другой берег. Соболей он любил не добытых, но удирающих от собаки.

Он разложил подмерзатъ затихшую рыбу, отшкерил и выпотрошил пару гольцов. Как раз насаживал их жабрами на пальцы, чтобы нести в зимовье, как из кустов вылетела Айка, кинулась к нему, запрокинув голову и виляя не только хвостом, но и задом и даже животом.

Не приближалась. На шее болтался кусок перегрызенной веревки.

Айка была первогодка, дочь Чингиза, который подвывал и взбрехивал сейчас от обиды, привязанный у зимовья. Генка не знал, как она будет в работе. С одной стороны, сучонка была как будто трусовата, выстрела побаивалась, с другой — умишко у девушки был что надо. Чингиз за свою долгую кобелиную жизнь не научился перегрызать, а эта все быстро соображала. Надо будет объяснить ей этой веревкой, нахмурился Генка.

— Ты что, курва?! — сказал строго, но почему-то доволен был даже и этим ее проступком.

Сучка тут же смекнула, что прощена, сделала круг вокруг рыбы и, цапнув за спину большого гольца, побежала с ним в кусты. Голец забился, Айка бросила, отскочила и тут же несколько раз быстро куснула рыбину за головой, перекусывая хребет..

— Айка, курва! — рявкнул Геннадий уже действительно сердито.

Айка испуганно шарахнулась, бросила рыбу, развернулась, переступила пару мягких шажков, хвостом вильнула — рожа у нее была серьезная, она как будто соображала, что делать, — и вдруг кинулась к только что украденной рыбе, схватила ее и с деловым видом поперла к Генке.

— Ну что ж ты за сучка такая! — Он качал головой и не мог не улыбаться. — Давай! —